

К ВОПРОСУ О ЦЕННОСТИ ПРАВА

Вопрос о ценности права стоит так же давно, как и вопрос о понимании ценности и понимании права. Тот факт, что в основе права лежит совокупность ценностей, бесспорен. Однако в правовой литературе ставится вопрос о том, являются ли ценности, лежащие в основе права, сугубо юридическими или носят нравственный характер, имеют ли они всеобщие философские основания. На взгляд В.С. Нерсисянца, в праве и государстве не применяются всеобщие ценности философско-этического порядка, а наоборот, создаются собственные ценности, которые затем признаются и применяются в различных областях жизни [1, с. 6]. О.В. Мартышин с этим утверждением не согласен: «право должно быть справедливым, следовательно, есть представление о справедливости, к которому стремится право» [1, с. 6]. Из этого следует, что вопрос о ценности права – это, прежде всего, вопрос о том, какие ценности содержит в себе право, какие ценности оно способно приносить в жизнь общества и отдельного человека.

Есть и другая сторона вопроса. Выяснить ценность права означает определить роль права в жизни общества, проанализировать вопрос о том, обладает ли право как система, сущность и явление трансцендентной ценностью или входит в систему относительных ценностей. Необходимо также сделать вывод о наличии или отсутствии сугубо правовых ценностей и изменении содержания неправовых ценностей в случае их попадания в правовое поле. Заметим, что правовая аксиология тесно связана с концепцией правопонимания. В основе разных ценностных подходов к праву лежат различные типы понимания и трактовки права как особого социального регулятора, его значения в общественной жизни. Именно тип правопонимания определяет парадигму и образец, то есть смысловую модель как познания права, так и его ценностной оценки. В задачу данной работы не входит определение понимания сущности права. Автор придерживается того, что право, как и все сущее в этом мире, обладает дуалистической природой. Этот дуализм выражается в том, что право, с одной стороны, может трактоваться как трансцендентная ценность, с другой – это безусловная ценность-средство, стоящая на службе у общества. Следовательно, ценность права может рассматриваться с точки зрения позитивизма, а именно, социологического позитивизма, и с философской точки зрения – в ракурсе признания права абсолютной ценностью. Позитивистский элемент в праве выражается в том, что оно, бесспорно, представляет собой продукт общества и государства, поскольку государство является частью общества. Право – это императив, приказ, который в конкретной ситуации предписывает придерживаться определенной модели поведения. Выражается право в формальных – устных и письменных источниках – законах, обычаях, прецедентах, следование которым обеспечивается принудительной силой государства. В.С. Нерсисянец критикует это последнее суждение о праве, указывая, что позитивизм или, по его словам, легистское понимание права присуще разного рода авторитарным и тоталитарным подходам к праву. На это можно возразить тем, что право, как и любое явление, имеет свою форму. Иных форм, чем вышеперечисленные, человечество не придумало и не движется в этом вопросе уже более трех тысяч лет. Поэтому по меньшей мере странно утверждать, что закон не есть право. Другое дело – нередко можно встретить неправовые законы, когда правовой императив по форме соответствует требованиям права, а по содержанию им не отвечает. При всем этом право, безусловно, было, есть и будет формой человеческих отношений и призвано обеспечивать стабильность и порядок.

Обратимся к рассмотрению роли и, соответственно, ценности права в его позитивной ипостаси как средства социального регулирования. Еще в древности Демосфен рассматривал социальное назначение права как установление порядка, которому должны следовать все люди. Цицерон утверждал, что право предписывает необходимые действия и запрещает нежелательные. В этом виделось его социальное назначение [2, с. 184]. Как справедливо заметил С.С. Алексеев, «право несет в себе миссию существенной социальной силы общества, оно – носитель социальной энергии. Прежде всего, право обеспечивает всеобщий, устойчивый порядок в общественных отношениях» [3, с. 161]. На социальную ценность права, его назначение обратили особое внимание в начале XX века, когда появилась теория социальных функций права, суть которой состояла в попытке объяснить общественную природу права, его социальную ценность, важность для решения социальных задач.

В литературе можно встретить выделение таких функций права, которые являются воплощением его социального назначения. К ним относятся: интегративная функция, функция коммуникации, функция

социального контроля [4, с. 189]. Кроме того, при правовом регулировании всегда присутствует элемент целесообразности, наличие которой наделяет право необходимой гибкостью при осуществлении социального регулирования. Содержание интегративной функции заключается в том, что, выполняя ее, право способствует интеграции социума путем удержания его от чреватых распадом конфликтов и потрясений [4, с. 190]. Право по своей природе имеет целью достижение согласия. Оно способно предотвращать и разрешать конфликты. Правовая интеграция достигается посредством взаимоувязки различных интересов [4, с. 190]. В.В. Лапаева замечает, что если единство общества достигается за счет силовых авторитарных методов, то это уже не правовая интеграция. Эта интеграция имеет другое свойство [4, с. 190]. Право стимулирует процесс социальной интеграции, с одной стороны, путем истолкования смысла, закрепления и формирования социальных ценностей, а с другой – с помощью репрессивных механизмов, которые имеются в распоряжении права, необходимых для их защиты. Социологическая юриспруденция выдвинула концепцию общественной солидарности. Так, Л. Дюги рассматривает солидарность как основополагающий факт социальной жизни. Право является мощным фактором сплачивания общества. Это обусловлено не какой-либо сознательной целью, а тем, что люди живут в обществе и вынуждены поддерживать солидарность. Путем эмпирических изысканий общество постепенно утверждает нормы объективного права, в котором все меньше места остается для произвола отдельных субъектов [5, с. 184–193]. Солидарность необходима обществу, чтобы выжить и иметь способность к воспроизводству. Объективно очерченной целью общества являются объединение и координация общественных усилий для достижения общего блага, условием которого является наличие общественной солидарности. Эта цель права как феномена всякий раз проявляется в каждой конкретной правовой системе, что доказывает практика функционирования и развития общественных отношений. Следует заметить, что взаимная увязка интересов еще не есть интеграция, не есть солидарность. В странах Западной Европы право использует все собственные средства и все механизмы с тем, чтобы достичь интеграции. В ходу тезис: «государство – это машина для перемалывания наций». В действительности право не в состоянии интегрировать общество, оно является эффективным средством социального компромисса, однако недопущение и разрешение конфликтов не означает интеграции. Право создает условия для максимально бесконфликтного общества, состоящего из конкретных социальных групп и отдельных индивидов. Но сосуществование – еще не есть интеграция. Интегрировать общество в действительности способны мораль, религия, принадлежность к нации. Право призвано не допускать зла, оно – тот минимум добра, который обеспечивает стабильность и безопасность.

Регулирующая ценность права весьма существенна для общества. Она остается неизменной, независимо от того, находится общество в стабильном, спокойном состоянии или охвачено катаклизмами. С одной стороны, во время революции «законы выбрасываются в окно», и в этот период на авансцену выходит больше народно-государственный, нежели правовой, элемент. Однако это относится к ломке старой системы, оформленной соответствующей правовой системой. Место тех норм, от которых общество отказывается в данный период, обязательно занимают новые нормы. Так что само по себе право действует непрерывно и постоянно. В эпоху катаклизмов и революций право играет восстанавливающую роль для устроения общества.

Коммуникативная функция права проявляется в том, что оно представляет собой социальный феномен, а значит, ничто иное, как сферу взаимодействия субъектов, опосредованную текстами [6, с. 11]. Например, А.В. Поляков характеризует право как «психосоциокультурную целостность, создаваемую непрерывностью правовой коммуникации» [6, с. 12]. Ценность и назначение права как коммуникативного средства состоит в том, что оно опосредует общественные отношения через определение правомочий и обязанностей. Право стимулирует связи между субъектами, способствует их возникновению, определяет их характер. Право располагает специфическими механизмами социализации (речь идет все о том же принуждении).

В.В. Лапаева закрепляет за правом функцию осуществления социального контроля, под которым понимается процесс, посредством которого сводятся к минимальным расхождениям между системой ожиданий и требований, предъявляемых обществом к поведению его членов, и их фактическим поведением [4, с. 199]. Благодаря социальному контролю общество может удерживаться в состоянии равновесия, которое поддерживается с помощью социальных регуляторов, в том числе и с помощью права. Выполняя функцию социального контроля, право выражает интересы частного и всеобщего. Оно призвано не допустить превалирование общего над частным или частного над общим. В истории нет примеров, когда бы интерес частных лиц преобладал бы в нормативном закреплении над общим. Поэтому развитие права представляет собой постепенное и все большее закрепление и защиту интересов частных лиц. Выполняя функцию социального контроля, право целенаправленно организует, структурирует общество с

позиций тех целей и ценностей, которые данное общество себе поставило на конкретном историческом этапе. Это происходило за счет изменения, отказа от устаревших норм и ценностей, форм взаимоотношений и введения новых. Право «подчиняет функционирование социальной системы общезначимым и общеобязательным правилам... через механизм закрепления прав и обязанностей субъектов общественных отношений в правовой норме, придает правовую определенность, ставит правовые рамки и формы иным социальным регуляторам» [4, с. 200]. Право способно не позволить какой-либо одной сфере общественной жизни функционировать в ущерб всеобщему и другим сферам общественных отношений. Право способно обеспечить равновесие и устойчивость всей системы общественных отношений.

По словам С.С. Алексеева, право – высокоэффективный социальный регулятор. Оно сочетает в себе нормативное и индивидуальное опосредование поведения людей. Право в соответствии с принципом целесообразности осуществляет регулирование экономических, государственно-политических и ряда других отношений, реализуя при этом духовно-нравственные ценности. Право вводит систему типовых масштабов поведения, функционирующих постоянно и непрерывно [3, с. 164].

Обозначив роль права как феномена, имеющего инструментальную ценность, то есть как регулятора общественных отношений, той силы, которая способна организовать общество, способно обеспечить коммуникацию и социальный контроль, необходимо остановиться на таком его предназначении, как создание, формирование и воплощение в жизнь абсолютных ценностей. В связи с этим можно сказать, что право имеет самостоятельную, относительно независимую от своего инструментального предназначения ценность. Вопрос о собственной ценности права может быть раскрыт с позиций либертарно-юридического подхода, для которого характерно различие права и закона, а точнее, позитивного закона. Под правом в его соотношении – расхождении или совпадении с законом – либертарно-юридическая теория имеет в виду право как нормативное выражение свободы. Ценность права в данном случае определяется с позиций правовых ценностей, которые определяют ценность самого права. Вопрос о природе ценностей права и путях их формирования далеко не прост. Порождаются ли они самим правом, или же это преломленные правовой сферой универсальные принципы? Думается, что каждая область общественной жизни основывается на определенных универсалиях. Но, попадая в ту или иную сферу, эти ценности значительно изменяют «свой облик». Право выработало свои ценности, которые являются результатом своего рода «переплавки», переосмысления общечеловеческих ценностей и ценностей определенного общественного организма. После такой «переплавки» правовые ценности как бы повторно проникают в общество, обеспечивая его жизнедеятельность, основанную на правовых началах. Абсолютными правовыми ценностями выступают свобода, справедливость, равенство, правовая стабильность. По поводу первых трех нельзя однозначно утверждать, они являют собой именно правовые ценности. Это идеалы и для нравственности, религии, основа жизни социума, но, попадая в правовое поле, они приобретают специфический характер правовых ценностей. Речь идет о том, что праву присущ такой признак, как формализм, поэтому правовые ценности представляют собой формальные ценности, определяемые в их юридическом значении. Правовое содержание универсальных правовых ценностей может отличаться от их нравственного или религиозного содержания. Например, такая правовая ценность, как свобода, в праве имеет несколько иной смысл и форму, нежели свобода в религиозной трактовке. В то же время право в своем ценностном измерении выступает не как носитель или средство закрепления нравственных, религиозных или иных ценностей, но оно – строго определенная система именно правовых ценностей, которые проявляются в форме правового долженствования и отличаются от других – моральных, религиозных, нравственных, политических и других форм долженствования и ценностных форм.

Как видно, такое понимание социальной ценности права отличается от ценностных характеристик его позитивного элемента и от позитивистского подхода к данной проблеме. Выступая в форме приказа власти, право должно быть строгим образом содержательно определено. В его содержание входят долженствования, основанные на идее свободы, равенства, справедливости в их формальном правовом смысле, но не только в смысле обязательности, властной императивности, но и в смысле объективной ценности, всеобщей значимости, именно в смысле ценностно-правового долженствования. То есть следует различать неправовое, например, нравственное, долженствование и долженствование исключительно правовое. Необходимо оговориться, что эта позиция на первый взгляд входит в противоречие с пониманием права как минимума добра, нижнего предела нравственности. На деле такого противоречия не существует. Ведь мы говорили о формализме, поэтому свобода, равенство и справедливость приобретают формальный характер. Но можно обоснованно утверждать, что формальная свобода есть минимальная основа для осознанной нравственной свободы. То же относится к равенству и справедливости.

В соответствии с либертарно-юридической теорией ценность права как феномена, идеи заключается в том, что оно позволяет оценивать с позиций правовых ценностей позитивные нормы. В либертарной концепции речь идет о ценностном суждении, оценке с позиций права смысла и значения закона, то есть позитивного права, его правовом качестве, его соответствии или несоответствии требованиям права как ценностного долженствования. Право при этом выступает как ценность и цель для позитивного права, императивов государственной власти. Закон должен быть ориентирован на ценностные идеи права. В этом ценностно-целевом определении и оценке законы значимы в той мере, в какой они причастны к праву, представляют собой выражение ценностей и основанных на них целей в правовом смысле.

Основными, универсальными правовыми ценностями являются свобода, справедливость, равенство в их формально-правовом смысле. Обратимся к рассмотрению каждого из них.

Теорию единства свободы и права выдвинул немецкий философ Г. Гегель. Он сделал вывод о том, что право является формой объективного существования свободы [7, с. 235]. Но само понимание свободы не оставалось неизменным и изменялось вместе с развитием философско-правовой мысли. Свободу следует понимать исходя из четырех основных позиций, которые находили или находят выражение в реальных общественных отношениях, ментальности людей. Согласно первой позиции, свобода трактуется как независимость от внешнего принуждения одновременно со свободным произволом. Такое отношение к свободе не требует личного совершенствования. При этом свобода одного может положить конец свободе другого, поэтому легко оправдывается насилие, а свобода легко перерождается в своеволие. Данное понимание свободы можно увидеть в первобытных обществах или государствах восточной деспотии, ее можно назвать свободой-произволом. Вторая позиция делает акцент на свободе как идее внешней независимости, которая связана с принуждением к самоограничению. Хотя свобода одного ограничивает свободу другого, все же ради собственной безопасности необходимы взаимоступки и соглашения взаимной выгоды. Здесь самоограничение вызывается внешними факторами и предполагает насилие, так как поддержание свободы нуждается во внешнем принуждении. Право является наиболее эффективным средством, обеспечивающим такого рода свободу. Согласно третьей позиции, самоограничение ради свободы другого имеет нравственный характер. В данном случае в основу заложено правило, которое содержит в себе требование справедливости как признание принципиальной равноценности индивидов. Если один человек придерживается взглядов, согласно которым он признает себя самоценным, то он должен признавать другого таким же. Самоограничение совершается действием внутреннего нравственного закона. Эта позиция вбирает в себя достижения второй. Правовая поддержка свободы способствует упрочению нравственных ее оснований. Т. Гоббс вообще считает, что только в условиях действия законов возможно следование законам морали. У Гегеля нравственность рассматривается на следующей после абстрактного права ступени развития духа.

Согласно четвертой позиции, индивиды не воспринимают друг друга как препятствие своей свободе. Соблюдение границ между свободой одного и свободой другого увеличивает свободу их обоих. Цена свободу другого как свою, индивиды тем самым расширяют свою свободу. В данном случае ценность отрицательной свободы, то есть свободы от кого-то, соединяется с ценностью положительной свободы для себя. Выбирая и осуществляя, безусловно, благие цели ради их самих по внутреннему убеждению, а не по принуждению, индивид расширяет свою свободу [8, с. 1–10]. Из приведенных позиций понятие свободы, сформулированное во второй позиции, выступает именно как правовая ценность. Это означает, что индивид может сознательно или под угрозой принуждения уважать свободу другого, и для них обоих возможность принуждения остается.

Человек неизменно является членом общества, его составной частью. Следовательно, интересы общества в целом и интересы каждой отдельной личности неразрывно связаны и определяют друг друга. Формирование комплекса социально значимых интересов личности и интересов всего социума определяется закономерностями жизни и процессами развития общества, у них единая природа. Следовательно, основополагающие общественные интересы, являющиеся объектом правовой защиты, и истинные интересы каждого отдельного субъекта общественных отношений составляют единое целое. Правонарушитель, чье поведение противоречит основным правилам и закономерностям общественной жизни, несвободен, действует против собственных интересов, неверно поняв их. Условием истинной свободы будет являться соответствие выбора того или иного варианта поведения законам природного и общественного развития, активное и осознанное использование их членами общества в практической жизнедеятельности [9, с. 12–14].

Право – это институт, способствующий достижению свободы общества и индивида. Защита жизненно важных интересов социума, способствующая прогрессу общественной жизни, как основная цель правового регулирования является эффективнейшим способом проведения в жизнь объективной необходимости,

стимулирует участников общественных отношений к сознательному поведению, отвечающему этой необходимости. Таким образом, в числе своих функций право имеет способствование достижению членами общества свободы [9, с. 16].

Ряд авторов полагает, что право является своего рода мерой свободы, способом легализации и выделения социально значимой части, указателем границ должного и возможного*. Другие авторы, например, Д.А. Керимов, считают такой подход ошибочным, противоречащим главному принципу, связывающему право и свободу. Действительно, в качестве мерила, официально признанных рамок свободы могут рассматриваться только нормативно-законодательные акты, представляющие собой внешнее формальное выражение требований права. Результат законодательного регулирования общественных отношений можно назвать состоянием юридической свободы, которая представляет собой один из аспектов сложного и многогранного комплекса социальной свободы. Однако при определенных условиях система законодательства способна выступить мерой несвободы. Законы могут носить антиправовой характер, стать инструментом уничтожения свободы.

Сам процесс правового регулирования является средством достижения свободы личности посредством права. Данный процесс представляет собой полноценный механизм непосредственного достижения свободы. В этом смысле он может рассматриваться как средство достижения свободы действий субъекта. А если рассматривать право как совокупность правовых норм, правосознания, правовых отношений, правовой культуры, то оно может стать к тому же и психологическим механизмом осознания своей свободы.

Мощным средством правового обеспечения свободы выделяется такой элемент правового регулирования, как реализация права, то есть претворение в жизнь правовых требований.

Для достижения осознания своей свободы вступает в действие система психологического действия права, воздействующая на ценностно-мотивационную систему человека и создающая мотивы осознанного правомерного поведения [9, с. 19].

Некоторые исследователи, например, В.С. Нерсисянц, в качестве основы связи свободы и права выделяют такой основополагающий принцип права, как равноправие. Правовая всеобщность и формальное равенство составляют смысл правовой свободы, а право выступает как всеобщий масштаб и равная мера свободы индивидов. Но на принцип равенства можно смотреть как на одно из средств достижения свободы через право.

Справедливость так же, как и свобода, является правовой ценностью, обуславливающей наличие ценности у права в целом. Тема справедливости и ее соотношения с правом имеет длительную историю и принадлежит, наравне с вопросом правопонимания, вопросом об источниках права и рядом других, к разряду «вечных» тем. Во все времена и у всех народов считалось, что право должно быть справедливым. Оно рассматривалось либо как воплощение справедливости, а если таковым не являлось, то разные слои общества и государство в целом ставили целью приведение его в соответствие со справедливостью. Справедливость – одна из важных и существенных ценностей права. Это вечная и высшая ценность, являющаяся основным принципом права. Справедливость несет в себе дуализм сущностей и является, как ранее отмечалось, одновременно правовой и неправовой ценностью и обуславливает некоторое «смешение» права с религией и нравственностью [10]. В основном такой точки зрения придерживаются позитивисты: представители социологической юриспруденции и нормативизма. Справедливость, добро и зло, по их мнению, – это неправовые категории, более того, они не имеют отношения к праву и правовой теории, а стремление оперировать ими как правовыми категориями приводит лишь к усложнению проблемы. Такая позиция не нова и всегда была характерна для юридического позитивизма.

О.В. Мартышин, ссылаясь на английского ученого Джона Ролса, формулирует два принципа справедливости. Первый принцип – все люди обладают равными основными свободами, совместимыми со свободами других людей. Это юридическое и политическое равенство, причем последнее возможно лишь в форме конституционной демократии. Второй принцип разделяется на два положения: а) социальное и экономическое неравенство допустимо в пользу наиболее обездоленных. Именно в этом случае оно будет служить благу общества в целом; б) должности и общественный статус должны быть доступны всем. Мы видим здесь, что справедливость как бы «замешана» на свободе и равенстве. Первая составляющая справедливости имеет юридический, вторая – более социально-экономический характер. Справедливость в общем смысле обеспечивается сочетанием юридического и социально-экономического начала. При этом, замечает О.В. Мартышин, предусматривается приоритет первого принципа над вторым [1, с. 13].

Мысль о том, что право должно быть справедливым, была сформулирована еще в древности. Однако и философами Запада и Востока, и просто просвещенными людьми вместе с тем признавалось, что справедливость может существовать вне права. Например, понятия «ли» в конфуцианстве, «дхарма» в

буддизме и индуизме означают нравственный закон, моральную справедливость, справедливость вне права. Справедливость представляет собой универсалию, поэтому право не может иметь монополию на нее. Напротив, над правом властвует справедливость высшего порядка. Нередки случаи, когда поведение, вполне соответствующее праву, не может признаваться нравственным. Право – это максимально абстрагированное явление, для которого характерен формализм. Нравственность и религия более одухотворены, более «человечны». Также и политическая справедливость вовсе не исчерпывается правом и не всегда совпадает с ним, поскольку в политике, в отличие от права, большую роль играют насущные злободневные интересы. Исходя из этого появляется необходимость из общего понятия справедливости выделить именно правовую справедливость.

Правовая справедливость включает в себя несколько составляющих. Аристотель формулирует принципы «хорошего», справедливого государства и воспринимает его (это государство) как наилучшее существование как для каждого в отдельности, так и для всеобщего – всего социума. Значит, справедливость в праве – это, прежде всего, совпадение и разграничение интересов.

Руссо также полагал, что целью любого государства должно быть благо его граждан, причем это благо находило у Руссо реализацию в двух положениях – свободы и равенства.

Правовая справедливость состоит в максимальном недопущении субъективного элемента в осуществлении власти при том, что этот элемент всегда остается очень сильным. Справедливость предполагает в идеале, чтобы обществом управляли не люди, а законы настолько, насколько это возможно в принципе. Причем правление закона не является самодостаточной целью, это скорее – промежуточная цель, где высшей целью предстает сочетание интересов – общего и частного при максимальных гарантиях частных интересов.

К категориям правовой справедливости можно отнести принцип максимального и одновременно разумного учета правом нравственных ценностей. Общественная жизнь вырабатывает свои законы и ценностные установки, и этот процесс очень постепенный. Рождаясь в том или ином социуме, человек становится его частью, носителем эгрегора, трансцендентной энергетики, отрыв от которой может дать сиюминутные результаты, но оказать разрушительное воздействие на личность, общество. Позитивное право может вторгнуться в жизнь общества, изменить поверхностную, поддающуюся этим изменениям структуру, но законы бессильны изменить вдруг и сразу внутренние пласты. Общество начинает отторгать чуждые ему законы и, если формальное их действие не прекращается, то в обществе начинается раскол. Характерные примеры тому – реформы Петра I. Уже с царствования Алексея Михайловича Россия постепенно и вполне безболезненно становилась на западный путь развития, осторожно, но систематически воспринимая элементы западной жизни. После реформ Петра I Россия стала расколотым больным обществом. Причем до сих пор это проявляется в интеллектуальном расколе между различными слоями населения, в стремлении облачить азиатские методы властвования в европейские одежды.

Таким образом, правовая справедливость включает в себя структурные элементы – сочетание личных и общественных интересов, с повышенной защитой первого, правление закона, содержания в праве моральных установок, свойственных конкретному обществу.

В качестве правовой ценности следует закрепить формально-правовое равенство. Так, для В.С. Нерсесянца равенство имеет более всеобъемлющий характер и включает, по его мнению, свободу и справедливость. Они – сущностные компоненты равенства. О.В. Мартышин отмечает, что справедливость включает равенство и свободу. Думается, что эти явления тесно переплетены друг с другом, так как представляют собой тесно связанные между собой стороны человеческих отношений. В данной работе эти три правовые ценности рассматриваются как относительно самостоятельные [11]. Разумеется, принцип формального равенства относится именно к сфере права, а не к сфере морали, нравственности, религии. Правовое равенство – равенство свободных и независимых субъектов права по общему масштабу, равной мере. Это равенство свободных и равенство в свободе. В социальной сфере равенство – всегда правовое равенство, формально-правовая мера равенства [11].

Учитывая вышесказанное, уместно заметить следующее. Безусловно, свобода, справедливость и равенство – непреходящие ценности, выражающие сущность права. Но они не могут быть лекалом для позитивных правовых норм, да и сами эти идеи многогранны. Они выражают общее движение или функционирование позитивного права, но это не значит, что в каждой норме закона или судебном решении следует отыскивать соответствие или несоответствие всеобщим правовым ценностям. В позитивном праве одной из сильных доминант является целесообразность. Свобода, равенство, справедливость, целесообразность, наличие исторической необходимости, подвергаясь взаимной диффузии, рождают позитивное право, где законы соответствуют всеобщим правовым ценностям.

Правовая стабильность – это скорее внешняя, чем внутренняя сторона права. Право способно обеспечивать стабильность, поскольку оно обладает такими свойствами, как общеобязательность, всеобщность, и следовательно, порядок, устанавливаемый правом, действует на определенной территории (чаще в государстве), притом постоянно, неизменно, непрерывно во времени. Этому же способствуют формальная определенность или объективированность, а также повышенная обеспеченность [1, с. 163]. Данные качества права позволяют рассчитывать на то, что в результате использования правовых средств наступит «запрограммированный ожидаемый эффект» [1, с. 163]. Правовая стабильность наиболее четко и ясно из всех абсолютных правовых ценностей просматривается в позитивном праве. Г. Радбрух пишет, что «правовая стабильность – это феномен позитивного права... а позитивность предполагает наличие власти» [12, с. 88]. Следовательно, достижение правовой стабильности возможно при наличии правовой нормы, которую устанавливает государственная власть и признает общество и которая способна реализоваться на практике. Правовая стабильность по сравнению с внеправовой стабильностью представляет собой идею четкой конструкции общества с совершенно определенными методами достижения порядка.

Несмотря на то, что правовая стабильность тесно связана с позитивным правом, она все же может входить с ним в противоречия. Например, Г. Радбрух пишет, что в интересах правовой стабильности признается возможным применение обычного или революционного права вместо существующих до тех пор норм позитивного права: «Такое право (обычное или революционное) будет в этом случае рассматриваться как действующее... В интересах правовой стабильности в отдельных случаях может быть признано действующим неправильное с точки зрения своего содержания судебное решение» [12, с. 89].

Таким образом, правовая стабильность представляет собой позитивное и надпозитивное явление. Причем в правовую стабильность неизбежно вплетается элемент целесообразности, без чего она тоже недостижима. Следует отметить, что способность обеспечивать стабильность может быть рассмотрена как инструментальная его ценность. Право вносит упорядоченность в сложный клубок запутанных отношений и противоречивых интересов индивидов, групп, классов, сословий. Оно является необходимой формой стабилизации и упорядоченности совместной жизни людей, принадлежащих к разным группам, каковы бы ни были различия между ними [2, с. 185]. Все же правовая стабильность должна скорее рассматриваться как абсолютная ценность права, поскольку, несмотря на разность в представлении о содержании правовой стабильности, ее идея остается неизменной.

Заканчивая рассмотрение абсолютных правовых ценностей, следует отметить, что этот вопрос настолько интересен, не говоря о его важности и сложности, что не может быть воспринят и истолкован однолинейно.

Раскрывая вопрос о ценности права, нельзя не обратиться к проблеме правового нигилизма. В западном понимании кажется логичным, что только право может быть основанием хорошей организации общества, более того, в западном понимании идея общества неотделима от идеи права. Если возникает какой-нибудь конфликт, то нормальный путь его разрешения – обратиться в суд, который должен его разрешить, а если совершено преступление, то именно суд должен подвергнуть преступника наказанию. Суду подчиняется и власть, поскольку он вправе давать оценку ее действиям, может аннулировать акты управления и привлечь к ответственности должностных лиц. Представление о совершенном обществе связано с господством права, которое регулирует большую часть общественных связей. Власть и граждане выстраивают свое поведение в соответствии с законом. В западном мире принят очень жесткий консенсус: право должно играть в обществе существенную роль, считается естественным, желательным, справедливым, чтобы спорные вопросы разрешались, чтобы преступников осуждали, чтобы власти находились под контролем судебных инстанций, которые в каждом конкретном случае смогут и должны предложить и предписать юридическое решение.

Что же Россия? Русское общество считает правовой нигилизм чуть ли не отечественным национальным достоянием, правом по рождению. Для него всегда была характерна внутренняя недисциплинированность, оно не видело в праве культурной ценности. Так, В.А. Туманов вполне справедливо замечает, что формирование национального сознания в России в течение многих веков шло в таких условиях, которые не могли не породить широкомасштабного юридического нигилизма. Он – естественное следствие тех методов, которыми пользовалось русское самодержавие, многовекового крепостничества, лишавшего массу людей правосубъектности, репрессивного законодательства, несовершенства правосудия. Имело значение и отсутствие должного внимания к праву со стороны православной церкви, в отличие от католической, роль которой в рецепции римского права весьма существенна [13]. Вместе с тем правовой нигилизм – это понятие, которое имеет и теоретический пласт, где логически обосновывается обесценивание права. Причем теоретический нигилизм отрицает социальную ценность права вообще, вне зависимости от его содержания. Такими нигилистами были М.

Бакунин, М. Штирнер, П.-Ж. Прудон*. Сторонники правового нигилизма приводят, как правило, следующие доводы:

1. Право не может быть справедливо поскольку, как бы оно ни старалось защищать частный интерес, все же сделать этого в достаточной мере не может. Оно выражено в общих нормах, пренебрегающих индивидуализацией. Например, невозможно разделить наследство по закону, не нарушая справедливости [14, с. 359–361].

2. Право бесполезно потому, что правовая угроза не способна удержать кого-либо от нарушения норм права, то есть, если индивид имеет установки на нарушение правовых норм, то невозможно его удержать от этого, не существует специальных эффективных механизмов. Страх наказания не остановит убийцу.

3. Право способно причинить вред. Оно представляет собой основание формирования и осуществления власти, то есть оно, по выражению Г.Ф. Шершеневича – средство властвования. Власть же всегда развращает людей. Сколько бы ни придумывали люди средств для того, чтобы лишить людей, стоящих у власти, возможности подчинить общие интересы своим, все эти меры оказывались недейственными. Право закрепляет неравенство, так как объективно находится в руках сильных и угнетает слабых [14, с. 359–361].

4. Право противоречит морали, а поскольку оно обеспечено принуждением, то не способно заставить людей руководствоваться нормами права, противоречащими морали: «Правоведы убивают не людей, а все святое, что есть в них. В душу человека вложен очень простой и доступный всем закон, не имеющий ничего общего с предписаниями, называемыми правовыми законами. Это закон любви к ближнему» [14, с. 360].

5. Право подавляет свободу индивида. Человек создал себе из права идола, которому поклоняется. Право ставит себе целью ограничить, обуздать личность, подчинить ее чему-то общему.

Названные доводы являются следствием упрощенного и искаженного понимания сущности права, личности и свободы. Общество не может обойтись без норм, которые бы обладали абстрактностью, всеобщностью, формализмом и обеспечивались бы принуждением. Обществу необходимо выживать и, более того, нести благо своим членам. Средством для достижения этих целей является право.

Отрицательное отношение к праву во многом объясняется наличием в его содержании принудительного элемента, который, действительно, многим, по выражению Г.Ф. Шершеневича, кажется несимпатичным. Но это продолжается до тех пор, пока дело не коснется защиты собственных интересов. Право необходимо для защиты интересов всех и каждого. Вместе с тем из существования правового нигилизма не следует делать трагедии. Это совершенно нормальное явление, которое не надо воспринимать как нечто из ряда вон выходящее, поскольку право, действительно, не в состоянии защитить и удовлетворить абсолютно всех в равной мере. В этом тоже проявляется элемент насилия, насилия большинства над меньшинством, видимого ограничения свободы. Судья, выносящий компромиссный приговор, как правило, оставляет недовольными и потерпевшего, и подсудимого, и обвинителя, и защитника. Но при этом достигается цель реализации правовой справедливости. Именно право, а не мораль и не религия способствует формированию самосознания и чувства самоуважения. «Правовой» человек, реально сознающий свои возможности, способен противостоять всеобщему, в частности, государству. Поистине, значение права для личности неисчерпаемо.

Литература

1. Мартышин О.В. Проблемы ценностей в теории государства и права // Государство и право. 2004. № 10.
2. Радько Т.Н. Теория государства и права. М., 2001.
3. Алексеев С.С. Теория права. М., 1995.
4. Лапаева В.В. Социология права. М., 2000.
5. Синх С.П. Юриспруденция. Философия права. М., 1996.
6. Коммуникативная концепция права: вопросы теории. Обсуждение монографии А.В. Полякова. СПб., 2003.
7. Керимов Д.А. Философия права Гегеля и современность. М., 1992.
8. Рахманкулова Н.Ф. Моя свобода и свобода другого // <http://philos.msu.ru>
9. Чухвичев Д.В. Свобода и право: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.
10. Мартышин О.В. Справедливость и право // <http://www.real-voice.info/art/civil.13.htm>
11. Нерсесянц В.С. Сущность и ценность права // Обзор темы по статьям и монографиям В.С. Нерсесянца. Александр Гордон – архив программы // <http://www.gordon.ntv.ru>
12. Радбрух Г. Философия права. М., 2004.

13. Туманов В.А. О правовом нигилизме // Советское государство и право. 1989. № 10.
14. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М., 1911. Вып. II.